«Снимая «Приграничье», поняли: война изменилась»

Режиссер Владислав Рытков о шести командировках в зону специальной военной операции, преодолении и главном принципе в документальном кино

Наталья ШАДРИНА

Одной из самых сильных и эмоциональных картин 37-го Фестиваля документального кино «Россия» стал фильм «Приграничье» режиссера Владислава РЫТКОВА. На экране зритель видит, как отряд специального назначения «Анвар» продвигается сквозь фронт в Курской области. А еще видит мирных жителей, оказавшихся на оккупированной территории, видит серую зону, откуда под обстрелами нужно эвакуировать погибших воинов, и многое другое, чего не покажут на телевидении. Владислав Рытков в Екатеринбурге представил картину лично. Накануне «ОГ» пообщалась с режиссером, который выбрал для себя сложнейшую тему и старается раскрывать ее максимально правдиво.

ПОЛИНА ЗИНОВЬЕВА

На фестивале «Россия» режиссер Владислав Рытков за фильм «Приграничье» отмечен призом полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе

«Абсолютно не верю в сценарии в документальном кино»

– Владислав, уже несколько ваших картин посвящены специальной военной операции. Два года назад на фестивале «Россия» вашему фильму «Я иду домой» присудили главный приз. Теперь вы представляете «Приграничье». Как получилось, что свою творческую жизнь на данном этапе связали именно с этой темой?

– Я окончил ВГИК, учился на режиссера игрового кино. После окончания вуза готовился к дебютному полному метру. В это же время началась специальная военная операция. И я просто понял, что в этот момент я нужнее именно там. Понял, что дело, которому я посвятил уже лет двенадцать своей жизни, надо использовать для того, чтобы помочь парням информационно. Вот и все.

Как только началась СВО, я сразу начал искать выходы – чтобы иметь возможность попасть туда для съемок. Только через три месяца у меня получилось. И, считайте, с лета 2022 года, как только освободили Мариуполь, я приехал туда. До сегодняшнего момента эта история развивается.

– Сколько с 2022 года у вас уже было командировок в зону специальной военной операции?

– Уже около шести. Мы заезжаем на месяц или полтора, находимся вместе с ребятами, с бойцами, снимаем все, что удается. Уезжаем домой на монтаж, а потом возвращаемся снова. На данный момент мы сняли четыре фильма: «ЧВК Вагнер. Контракт с Родиной», «Зона искупления», «Я иду домой» и «Приграничье».

– Как вы определяете темы, о которых будете рассказывать? В фильме «Я иду домой», помимо личной истории бойца, это эвакуация мирных жителей из Артёмовска – важнейший момент всей спецоперации. В «Приграничье» – оккупация Курской и Белгородской областей.

– Изначально мы только примерно понимаем, о чем хотим снимать. А дальше отталкиваемся от того, что видим на месте. Я абсолютно не верю во все эти истории про сценарии документального фильма. В нашем случае мы убеждаемся в этом каждый раз. Моя задача – приехать, попасть в эпицентр события и снимать, скажем так, с широко открытыми глазами. Я уверен, самое главное в документальном кино – унести с собой все, что дает судьба, по максимуму.

– То есть ваш принцип: в документальном кино следовать за жизнью, она – главный сценарист?

– Да, безусловно. Считаю, что подтягивать реальность под свои какие-то представления – как минимум неправильно, а как максимум просто губительно для самой темы, которую хочешь раскрыть. В случае с «Приграничьем» я думал: «Надо сделать кино в Белгородской – Курской областях». Но что там будет, заранее я вообще не понимал. А что я увидел? Во-первых, что война изменилась. Например, если предыдущий фильм мы снимали в 150–120 метрах от противника, то сейчас подойти на такое расстояние очень сложно, такое количество дронов там теперь. Во-вторых, появились проблемы с согласованием. Мне вообще кажется, что этот фильм вышел чудом, столько было разных проблем. А нам было важно не упустить ключевые моменты, не вымарать, без них картина не имела бы смысла.

«Это не новостные сводки. Мы говорим со зрителем на другом языке»

– Как зритель могу сказать, что фильм получился честным и жестким. И когда вы говорите о трудностях с согласованием, не остается вопроса – почему. При этом картина еще и достаточно философская...

– Знаете, когда мы вернулись из командировки, я понимал, что собрать этот фильм будет гораздо сложнее предыдущих. Мы зацепили много, как нам казалось, разрозненных событий. Монтировал я его очень долго для себя – девять месяцев. И когда посмотрел первую сборку, был удивлен, что нам удалось докопаться до совершенно другой темы. Да, это вновь боевые действия, вновь страдания людей, но в этот раз у нас получилось заглянуть как бы внутрь события, внутрь человеческих судеб, в души героев. Показать, как люди, находящиеся там, мыслят сегодня. Всем ясно, конфликт уже долго длится, и у него было много разных стадий. Когда снимали фильм «Я иду домой», в настроении и мыслях бойцов не допускались компромиссы. Когда снимали «Приграничье», увидели, что наши герои стараются погрузиться внутрь себя, пытаются понять: зачем мы здесь находимся, куда мы идем, правильно ли идем. И я думаю, что ребята, которых вы видите на экране, на эти вопросы очень точно отвечают. Благодаря этому и сам фильм получился философским, соглашусь. Это такое исследование вглубь.

– Один из бойцов в фильме говорит очень важные слова о том, что в стране до сих пор не все понимают, что происходит там. При этом, сидя дома, на диванах, люди всерьез пытаются об этом рассуждать, давать оценки. Помню, когда у нас в городе установили памятник героям Суджи – часть газовой трубы, по аналогии с той, через которую пробирались наши бойцы в тыл к украинцам. Тяжелейшая и очень важная операция в ходе СВО. Так вот было немало тех, кто посмеивался – мол, зачем нам этот непонятный, некрасивый памятник. Такие фильмы, как ваш, безусловно, влияют на изменение ситуации. Война вдруг оказывается близко, настолько близко, что ты детально видишь убитых – наших солдат, порой совсем молодых, долгие месяцы пролежавших в серой зоне.

– Если наши фильмы действительно влияют, для меня это главное. Все уже понимают, что война идет не только на поле боя, она еще информационная. А самая главная война – вообще в душах и сердцах людей. Поэтому кино, искусство, рассказы об этих ребятах – наше основное оружие. Поэтому нам очень важно попасть в сердца зрителей, донести до них именно через эмоциональную составляющую, что на самом деле происходит. Это не новостные сводки, мы говорим с людьми уже на другом языке, на другом уровне.

– Было ли в последнюю командировку то, что особенно задело именно вас?

– Там было много всего. Несколько раз нас пытались убить, были очень опасные моменты, появлялись всякие мысли. Ну, наверное, самое главное – это какая-то тоска, преследовавшая группу на протяжении полутора месяцев, которые мы там были. Любопытно, что эта тоска не демотивирует, а побуждает идти дальше, заставляет думать, что ты можешь сделать для своего государства, какой вклад можешь внести. Да, многим там, даже самым крепким, тяжело. Но несмотря на это, у всех есть понимание, что мы не имеем права бросить. Наверное, для этого мужчина и создан, чтобы преодолевать, чтобы не ломаться, чтобы быть тем, на кого можно опереться сегодня, несмотря ни на какие настроения. Ты можешь грустить, можешь переживать, плакать, быть несогласным. Ты можешь испытывать все эти эмоции, но в моменте, когда ты должен что-то сделать, когда ты должен защитить свою страну, свою семью, ты должен остаться на своем месте, выполнить свою работу. В этом огромное благо и одновременно огромная трагедия для современного мужчины. Что же до нас, до съемочной команды, то